

Когда Тунтянь вместе с Фан Цану и Куньсюанем вырвался из пещеры, Юаньши, всё еще не выпустивший пар, которого удерживал Лао-цзы, со злости яростно грохнул оземь зажатое в руке коромысло.

Эта картина до боли сжала сердце хозяина коромысла — Лао-цзы. Он потянул Юаньши за рукав и выговорил:

— Ладно тебе драться, но зачем же мое сокровище пускать в ход? Тот, кто не является истинным хозяином артефакта, и сотую долю его мощи раскрыть не способен.

Услышав это, Юаньши тяжело задышал и холодно бросил:

— Разве это коромысло не подвернулось под руку?

Лао-цзы тихо фыркнул на это и в один миг выдернул коромысло из рук Юаньши.

— Разве твой жезл из белого нефрита не послушнее в деле? Воспользуйся ты им, Тунтянь бы уже кожу с плеч сбросил.

Едва слова затихли, Юаньши тяжело вздохнул, а затем обратился к Лао-цзы:

— Тунтянь не ведаёт, насколько тяжка карма, неужто и ты, старший брат, не понимаешь? Сегодня он навлекает карму Клана Драконов, завтра — Клана Фениксов. Так дальше пойдет — и заслуги Отца-Божества по сотворению неба и земли растратятся дотла.

Сказав это, Юаньши преисполнился еще большей безысходности и гнева:

— Среди Саньцинов он отвечает за убийства и разрушения. Если хоть немного не держать его в узде, рано или поздно он увязнет в великой беде и сгинет без следа. Разве это то, что мы с тобой желаем увидеть?

Лао-цзы молчал. Саньцины с самого рождения и обретения телесной формы были неразлучны, и эту многовековую братскую преданность, конечно, не выразить словами. Если Тунтянь и впрямь окажется ввергнут в великую беду, они, разумеется, выложатся до конца, лишь бы защитить его.

— Нрав Тунтяня в узде не удержать: чем сильнее давишь, тем яростнее он идет наперекор, — вздохнул Лао-цзы. — Столько лет ты запрещаешь ему одно, а он назло делает именно это — разве ты сам еще не понял?

Услышав это, Юаньши мгновенно почернел в лице. За прошедшие годы Тунтянь бесчисленное количество раз пререкался с ним, и при одном воспоминании об этих дерзких ответах он начинал проклинать себя за то, что пожалел сил секунду назад.

— Ладно, ладно, в конце концов, мы с тобой рядом, защитим его, — утешил его Лао-цзы.

Юаньши фыркнул и ничего не ответил.

— Скоро отправимся забирать Тунтяня обратно в Куньлунь, — с улыбкой произнес Лао-цзы.

Юаньши с полминуты молчал, а затем холодно и горделиво бросил:

— Мгм.

Стоило Юаньши дать согласие, как улыбка на лице Лао-цзы стала еще шире.

А тем временем Тунтянь, услышав предложение Фан Цану жить отдельно от семьи, уже вовсю горел энтузиазмом и принялся с азартом готовиться к воссозданию Острова Цзиньбао и строительству Дворца Бию.

— Я хочу заранее основать обитель и возвести Дворец Бию, — воодушевленно заявил Тунтянь.

— Нельзя ли перед тем, как вы решите разъехаться, сперва помочь мне отыскать моего единокровного младшего брата? — с удушливым отчаянием на лице промолвил Куньсюань, которого Фан Цану прижимал к груди.

В свое время Юань Фэн зачала от дуновения и породила на свет всего двоих: Куньсюаня — старшего, и Пруха — младшего. Печальнее всего было то, что Юань Фэн не оставила после себя истинной фениксовой крови, фактически прервав прямую ветвь рода фениксов.

— О? — Фан Цану погладил пух Куньсюаня у себя на груди и протянул: — А твой брат хоть на что-то годен? Он яйцом велик? Съедобен ли?

Как только Фан Цану договорил, Куньсюань клюнул его в руку, и его белая, подобная инею и снегу кожа мгновенно покрылась ярко-красным пятном — зрелище донельзя жалостливое.

— Тунтянь! Твой ученик клюнул меня! — у Фан Цану едва не навернулись слезы на глазах, выражая крайнюю обиду и горемычность.

Куньсюань, прижатый к груди Фан Цану, вмиг рассвирепел и выругался:

— Кого ты пытаешься обмануть? Не мне тебе рассказывать, насколько прочно тело дракона — этот укус для тебя все равно что легкое щекотание! И надо же изображать такую неженку!

Куньсюань выказал глубокое презрение к притворным жалостям Фан Цану, однако Тунтянь купился ровно на это. Глядя, как Тунтянь с тревогой осматривает клюнутую руку Фан Цану, Куньсюань ощутил приступ удушья.

— Болит? — Тунтянь взял руку Фан Цану, принялся тщательно ее осматривать и влил духовную энергию, чтобы помочь разогнать кровь и снять застой.

— Болит, — шмыгнул носом Фан Цану, уставился на Куньсюаня за пазухой и выдал: — Хочу отведать жареных павлиньих ножек.

В ту же секунду Тунтянь щелкнул Фан Цану по лбу.

— Перестань баловаться.

Фан Цану зыркнул на него и бесцеремонно сунул павлина прямо в объятия Тунтяня.

Наконец Тунтянь с беспомощной улыбкой перехватил руку Фан Цану и произнес:

— Сперва отыщем Пруха, а потом отправимся искать тебе что-нибудь вкусное, ладно?

— Ну ладно уж, — кивнул Фан Цану.

Поиски младшего брата Куньсюаня — Золотокрылого Пруха — прошли гладко. Никакие странные личности не выскочили из ниоткуда, чтобы заявить, будто это яйцо принадлежит им, да и сам Золотокрытый Прух, пребывая еще в скорлупе, не стал сопротивляться, как в свое время Куньсюань.

Едва завидев младшего брата, всё еще бывшего яйцом, Куньсюань тут же обернулся в человеческий облик и прикрыл яйцо с Прухом спиной, бросая на Фан Цану настороженные взгляды — он смертельно боялся, что с губ Фан Цану сорвется хоть капля слюны и упадет прямо на скорлупу его братца.

Заметив это, Фан Цану холодно фыркнул и с недовольным видом отвернулся.

Куньсюань невольно с облегчением выдохнул, после чего перевел взгляд на стоявшего рядом Тунтяня:

— Прошу Учителя принять и моего брата в ученики.

С этими словами Куньсюань воззрился на Тунтяня исполненным надежды взором.

Однако Тунтянь покачал головой, в его глазах промелькнула прохлада:

— У нас с ним нет уз учим и ученика.

Лицо Куньсюаня омрачено было тенью разочарования, но, поразмыслив о том, что Тунтянь,

будучи одним из Саньцинов, вообще соизволил взять его, наследного принца Клана Фениксов, в ученики, он понял, что это уже величайшая редкость, и требовать большего не смел, а потому оставил эту затею.

— Идем, в Восточное Море.

Тунтянь взмахнул рукавом, увлекая за собой Куньсюаня и яйцо с Прухом по направлению к Восточному Морю, а Фан Цану тут же последовал за ними следом.

Десять тысяч ли пути под божественной волей Тунтяня и Фан Цану пролегли в мгновение ока.

Восточное Море по-прежнему оставалось прежним: по соседству обитающий Куньпэн и тот не смел соваться сюда с пакостями, а вдобавок к этому двадцать четыре бусины, умиротворяющие моря, пожалованные Тунтянем, позволили Клану Драконов вздохнуть намного свободнее.

— Я намерен воздвигнуть здесь Дворец Бию, — стоя на вершине облаков, Тунтянь указал на раскинувшиеся внизу морские просторы.

Стоявший рядом Фан Цану кивнул. Согласно преданиям из книг, Дворец Бию у Тунтяня и впрямь строился в Восточном Море, так что возражать он не стал.

Куньсюань, прижимая к груди яйцо, не удержался и тихо пробормотал:

— У вас и впрямь на редкость крепкие отношения.

Пожелай кто-нибудь основать обитель на землях Клана Фениксов — не говоря уж о том, как отреагировал бы сам Куньсюань, остальные фениксы стерли бы наглеца в порошок еще до того, как тот успел бы опомниться.

Тунтянь не придавал этому значения, перевел взгляд на сидевшего на краю облака и болтавшего ногами Фан Цану и произнес:

— Маленький товарищ по Пути, взгляни-ка тоже, в будущем эта обитель наполовину станет твоей.

Фан Цану моргнул и протянул:

— Это что же, брачное ложе?

— Брачное ложе? — Тунтянь протянул руку, взъерошил волосы Фан Цану и тихо ответил: — Тогда пускай это будет наше с тобой брачное ложе.

Фан Цану отступил на пару шагов назад, посчитав Тунтяня излишне прилипчивым.

— Раз уж это наше общее с тобой брачное ложе, то и право голоса у тебя имеется, — Тунтянь притянул Фан Цану ближе к себе.

Фан Цану бросил взгляд на Восточное Море и небрежно указал на пять островов: Пэнлай, Фанчжан, Инчжоу, Дайюй и Юаньцзяо.

— Острова Дайюй и Юаньцзяо еще не исчезли, так почему бы не объединить все пять в один? Разве не чудесно выйдет?

Тунтянь на миг замер, не удержался, протянул руку и ущипнул Фан Цану за щеку:

— Ах ты ж ненасытный какой, маленький товарищ по Пути.

Все пять бессмертных островов представляли собой осколки Хунхуана, дрейфующие по волнам без пристанища, особенно Пэнлай, которому суждено было в будущем стать обителью Императора Дунхуа.

Только вот какое ему дело до того, где поселится Император Дунхуа? Это же Восточное Море, вотчина Клана Драконов, и кому как не ему распоряжаться островами на собственной земле?

Фан Цану шлепнул Тунтяня по руке:

— Разве плохо, когда всё большое? У меня в Восточном Море столько сородичей-драконов, да и у тебя учеников пруд пруди — как нам всем уместиться на клочке земли?

Глядя на рассерженную физиономию Фан Цану, Тунтянь не удержался и расхохотался:

— Будь по-твоему.

С этими словами Тунтянь пустил в ход божественное мастерство бессмертных, силой сведя вместе пять дрейфующих в беспредельном океане островов и слепив из них единую, совершенно новую обитель. Сверх того, вокруг этого острова Тунтянь возвел мощнейший массив: всякого глупца с дурными помыслами, рискнувшего ступить на его землю, на каждом шагу поджидала смертельная ловушка, в которую не осмелился бы соваться бездумно даже Святой.

Когда все было успешно завершено, Тунтянь с мягкой улыбкой окинул взглядом остров и произнес:

— Отныне сие место будет зваться Островом Цзиньбао.

Пусть то великое золотистое пузатое чудо, что некогда поддерживало Дворец Бию, еще не объявилось в мире, но по старой памяти Тунтянь всё равно непременно хотел наречь этот остров Островом Цзиньбао.

Однако стоило Тунтяню договорить, как он тут же встретил яростный отпор со стороны Фан Цану.

— Не хочу Черепаший Остров! Не хочу Черепаший Остров!

Тунтянь слегка растерялся и принялся терпеливо растолковывать маленькому дракону:

— Это Остров Цзиньао.

Но Фан Цану зыркнул на него, презрительно фыркнул и отрезал:

— Золотая черепаха — та же черепаха.

— Цзиньао и черепаха — это совсем не одно и то же, — усердно пояснял Тунтянь.

В ответ раздался лишь холодный фырк Фан Цану:

— Паршивый мужик! Раньше заливался, будто звезды с неба достанешь, а луну оставишь, а теперь все забыл.

Закончив возмущаться, Фан Цану вдобавок со злостью пнул валявшийся под ногой камень, очевидно, мысленно представляя на его месте Тунтяня.

Глядя на подобные выкрутасы Фан Цану, Тунтянь до боли в сердце жаждал отлупить его как следует.

— Пусть будет по-твоему, — переносицу Тунтяня пересекла складка, и он благоразумно уступил.

Быть может, сменив имя, всё и впрямь пойдет иначе, чем прежде.

— Хулянь, мост, ведущий к божественной горе, — вымолвил Фан Цану, глядя на Тунтяня.

Тунтянь на мгновение замер, а затем расплылся в улыбке:

— Что ж, пусть будет так.

Само слово Хулянь несло в себе значение соединения, и в качестве названия для этого объединенного из пяти островов клонка суши оно подходило идеально.

Но стоило Фан Цану задрать нос от гордости за себя, как улыбка на его лице внезапно застыла.

— Слушай, я тебе кое-что скажу, только чур не пугаться.

— Я не пугаюсь, — отозвался Тунтянь. Будучи Святым, прошедшим через череду эпох бедствий, чего он только не повидал?

— Твой старший брат выглядит чертовски злым.

— А поскольку своя шкура дороже чужих заслуг, так что...

Не дожидаясь, пока Тунтянь придет в себя, Фан Цану обеими руками толкнул его прямо в объятия Юаньши, а сам обернувшись белым драконом и стремглав ушел под воду.

— Я тогда того... полетел!

Тунтянь проводил взглядом удаляющуюся фигуру Фан Цану, оцепенело повернул голову к Юаньши, чье лицо почернело пуще печной сажи, и выдал:

— Вторая братец, давно не виделись.

— Основать обитель? Ты что, решил, что Куньлунь слишком тесен для тебя? Или затеял раздел семьи?!

Едва слова отзвучали, в руке Юаньши уже сверкнул жезл из белого нефрита — на сей раз он задействовал всю свою ярость без утайки.

Лао-цзы тяжело вздохнул: на этот раз он вмешиваться не собирался — Тунтяню действительно стоило преподать урок.

А Фан Цану, прислушиваясь к грохоту битвы над поверхностью Восточного моря, поспешно и накрепко захлопнул створки своей раковины-кровати.

Эх, Тунтянь, если ты сумеешь выжить в лапах своего старшего брата, то я ни слова не скажу против переименования Хуляна в Черепаший Остров.

Когда же буря улеглась и всё стихло, раковину-кровать Фан Цану внезапно грубо распахнули извне, и Тунтянь, весь в синяках и с распухшим носом, втащил его внутрь и от души отходил ремнем по мягкому месту.

— Тунтянь, да у тебя совсем совести нет!

Маленького дракона, коли он не слушается, следует как следует отлупить по пятой точке.

Тунтянь: Если бы не стремление скрыть от старшего брата истинное положение дел и не страх дать сдачи, стал бы я терпеть такое избиение?

Маленький дракон: Ууу, ты перегибаешь палку, меня даже собственный отец пальцем не трогал!

Тунтянь: Да потому что Цзулун давно отправился на тот свет!

<http://bllate.org/book/21824/2259970>